

Эдуард Веркин

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Вампир из Мексики
Жмурик-проказник
Стеклянная рука

Расследования Феликса Куропяткина

Эдуард Веркин

Стеклянная рука

«ЭКСМО»

2008

Веркин Э. Н.

Стеклянная рука / Э. Н. Веркин — «Эксмо»,
2008 — (Расследования Феликса Куропяткина)

На что ты готов ради искусства? Некоторые – на все. За «Белый альбом», автор которого, юный художник Паровозов, бесследно исчез, ценители готовы выложить кругленькую сумму. Все, кто видел этот альбом, погибают при самых невероятных обстоятельствах – и это добавляет ему ценности. Феликс Куропяткин тоже отправился на поиски: ведь его лучшая подруга пошла за альбомом-убийцей в вымерший город. А Куропяткин не тот человек, чтобы оставлять девчонку наедине с кошмарами...

© Веркин Э. Н., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

1	5
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эдуард Веркин

Стеклянная рука

1

Титановый Феликс

– Ну? – Я поглядел на Тоску.

Тоска открыла портфель из крокодиловой кожи – приз за лучшую публикацию в подростковом журнале «Жизнерадостные страницы».

– Прошу. – Тоска достала из портфельных глубин свежую, пахнущую краской газету и протянула мне.

Приложение к всероссийскому еженедельнику, рубрика «Персона». Круто.

– Ты мне приносишь удачу, – заявила Тоска. – Редактор сказал, что пошлет этот материал на областной конкурс юных журналистов. И еще, что шансы у меня велики.

– Поздравляю, – зевнул я. – Будешь великим журналистом.

– Журналисткой.

– Журналистом, – настоял я. – Слово «журналистка» мне не нравится, оно убогое.

Тоска задумалась, потом согласилась, что убогое.

– Читай статью, – сказала она. – Мне важно твое мнение.

– Сие есть крупная ошибка. – Я стал разворачивать газету. – Настоящему журналисту должно быть плевать на чье-либо мнение. Ибо, как говорили братья Гонкуры¹, писатель не отражает мир, он его делает.

– Какие братья? – заинтересовалась Тоска.

– Потом, – отмахнулся я и стал изучать статью.

Тоска достала из портфеля толстую самодельную папку в красной обложке. Затем небольшую зеленую бутылочку и набор салфеток. Папку Тоска положила на стол, выдавила из бутылочки на салфетку зеленый гель и принялась аккуратно протирать крокодильную кожу портфеля. Тоска очень гордилась этим портфелем, любила его и всюду с ним ходила. Даже в школу. Даже за молоком.

Тоска холила свой портфель, я читал.

Материал назывался «Титановый Феликс: портрет последнего романтика». Титановый Феликс разместился на полполосы. Большая статья, с фотографией. На фото я был не очень похож на самого себя, уши оттопырены больше, чем надо. А так ничего, героически выгляжу.

И текст мне понравился. Приятно написано, с фантазией.

«Феликс Куропяткин снимает со стены томагавк. Это не простой томагавк. Этот томагавк подарил ему вождь племени могаук, посетивший наш город по программе народного культурного обмена. История чрезвычайно загадочная. Вождь выступал в университете. Рассказывал про жизнь индейцев в резервациях, про их борьбу за свои права, про индейские обычаи. Потом он вдруг замолчал. Тишина продолжалась минуты три, затем индеец вышел из-за кафедры, спустился в зал, подошел к сидящему в восьмом ряду пареньку и вручил ему сверток. И, ничего не объяснив, вернулся за кафедру и продолжил лекцию.

Пареньком был Феликс Куропяткин, а в свертке был томагавк.

¹ Эдмон и Жюль Гонкуры – французские писатели.

Сам Куропяткин утверждает, что этот томагавк имеет магическую силу. Он начинает вибрировать в зонах с паранормальной активностью. Потому что томагавк выкован из куска металла, взятого из потерпевшего крушения НЛО. Куропяткину виднее – с томагавком он на «ты»: с сорока метров срубает березку.

Вообще Феликс Куропяткин – весьма необычный молодой человек. Он не катается на скейтборде, не играет на компьютере и не ходит по ночным клубам. Он верит в привидения, в леших, вампиров и оборотней. Если вы очень попросите и если у Куропяткина будет хорошее настроение, он покажет вам свои трофеи. Томагавк из металла НЛО – не самый необычный предмет в комнате у Куропяткина. Есть еще лапа, отрубленная у оборотня, несколько штук вампирских клыков, белый порошок в трехлитровой банке – Куропяткин уверяет, что это разложившаяся субстанция призрака из коровника совхоза «Веселая Заря». Много чего. Небольшой магазинчик ужасов.

Но самое интересное Куропяткин прячет в тумбочке. В тумбочке под двумя замками хранится красная папка. В красной папке – отчет о приключениях Куропяткина за последние пять лет. Если усыпить бдительность Куропяткина и отправить его на кухню за кофе и бутербродами, можно прочесть секретные записки.

Так я и делаю. Открываю и листаю наугад.

«Инцидент девятнадцать.

Необычное происшествие.

Если вампир укусит слона, станет ли слон вампиром? Станет.

Отправился ночью сторожить зоопарк. Сначала все было хорошо, потом появились вампиры. Источник заражения: морская свинка – вампир из Южной Америки. Вампирами стали все. Удавы, волки, бегемот и т. п. Мой приятель Семафоров тоже. Пришлось всех замочить. Шутка, Семафорова во имя идеалов человеколюбия оставил».

Продолжаю читать.

«Инцидент двадцать два.

Необычное происшествие.

Будь осторожен в своих желаниях – они сбываются.

Каникулы у Чертова Омута в компании учеников школы выживания в экстремальных условиях. Я в качестве кока. Случайно обнаружен прибор неизвестного назначения. Необдуманно испытан. Как результат, руководитель экспедиции превратился в собаку. Участник по кличке Доход неожиданно начал набирать мышечную массу и чуть этой самой массой не был раздавлен. Участник по кличке Радист трансформировался в киборга. Участница по имени Кармен обрела разрушительный голос. Плюс воскрешение вооруженного маузером мертвеца. Пришлось всех замочить. Шутка. Пришлось уничтожить прибор».

Человек в здравом уме посмеется. Я не посмеюсь. Потому что мой брат был в той экспедиции руководителем. До экспедиции он очень любил кошек, после – просто их ненавидел. Не могу сказать, что он превратился в собаку, но что-то такое в нем появилось...

Листаю дальше.

«Инцидент двадцать четыре.

Необычное происшествие.

Никогда не гуляй по помойкам. Очень легко не вернуться.

Поход на помойку. Задача: спасти мир. Мир спасти не получилось. Зато я, мой брат, его друг и один физкультурник попали в лапы к помоечным мутантам. Нас едва не съели. Пришлось всех замочить. Шутка».

Любой сочинитель романов ужасов выложил бы за красную папку приличные деньги. Но деньги Куропяткина не очень интересуют. Его интересуют приключения. Если грива на вашей колли по ночам заплетается в косички, можете позвонить Куропяткину. Он наденет свой кожаный плащ, водрузит на нос очки и приедет. Он разберется.

И красная папка пополнится инцидентом тридцать четыре».

– Нормально, – сказал я. – Кое-где невыдержанно, но это можно списать на стиль. Почти все правда, это хорошо. Про кожаный плащ и очки с зелеными стеклами ты, конечно, придумала – их у меня давно нет. И про себя ты немножко приврала. Кармен? Интересно... Кармен, в Инциденте двадцать два ты ведь тоже поучаствовала. У тебя там, кажется, что-то с горлом было? Деревья голосом могла валить, если я не ошибаюсь?

– Это неэтично, писать о себе, – ответила Тоска. – К тому же это было давно.

– А как же правда?

– Правда – это то, во что верят, – отбрила меня Тоска. – Так говорили братья Гонкуры.

– Один – один, – сказал я. – Молодец, Тоска. А чего ты про красную папку принаплела? Красная папка – это ведь у тебя, а не у меня.

– Это не принаплетанье, это художественный вымысел. С красной папкой ты гораздо загадочней.

– Ты тоже. А почему «Титановый Феликс»?

– А почему нет?

Действительно, почему нет?

В красной папке Тоска хранила материалы для своей научной работы. Раньше она хотела написать книжку, но потом передумала. Решила, что книжка для нее – слишком жидко. Теперь Тоска собирала детский фольклор и думала на его основании провести настоящее исследование – про то, как менялись детские страхи на протяжении последних пятидесяти лет. В библиотеках сидела, взрослых опрашивала, детей. Искала разные истории, обрабатывала материал.

Старалась, короче. Серьезной такой стала, даже удивительно. И даже музыку почти перестала слушать, что на Тоску было совершенно не похоже.

Я ей даже завидовал. Мы вообще с ней теперь часто встречались, я был у Тоски чем-то вроде консультанта. Она раскапывала очередную дурацкую историю, затем шла ко мне, и я говорил ей, настоящая это история или нет.

Обычно все истории, что обнаруживала Тоска, были фуфловыми. Безжалостные котлеты-расчленители, летающая голова, крохотные зеленые человечки, разумные крысы-убийцы. А в конце появляется воин добра с мечом-кладенцом наперевес. Но иногда все-таки среди историй выдуманных попадались и настоящие. Их Тоска документировала, производила с ними какой-то анализ... ну, меня это, короче, не очень интересовало, мое дело было маленькое – слушать и делать выводы.

Вот и сегодня. Тоска позвонила часов в девять и сообщила, что раскопала кое-что весьма интересное. Я сказал, что сейчас занят, но потом, часа в два, вполне смогу ее принять.

Тоска сказала, что к двум обязательно будет, и приехала к одиннадцати, когда я, как всякий чистопородный джентльмен, еще лежал в креслах и грезил о будущем.

– Вставай, Куропяткин! – Тоска бесцеремонно стала цапать меня за пятки. – Ты не пове-ришь, что я нашла! Отличная вещь!

Тоска была взволнована. Наверное, и в самом деле что-то интересное раскопала.

– Ну? – Я поглядел на Тоску со скукой смертельной тональности.

– Слушай! – Тоска развинтила свою красную папку и достала диктофон.

Диктофон – худшее изобретение человечества. После мобильного и телевизора.

– Совсем свежая! – Тоска нажала на кнопку. – Послушай! Все-таки, это роскошно!

Сначала было тихо. Традиционный хруст, помехи какие-то, потом через помехи проклюнулся голос. Говорил мальчишка, лет десяти.

– ... болото. А раньше пруд был, караси плавали. Мы в этом клубе долго жили, там Егор и научился рисовать. На стенах были герои разные, вот Егор их и срисовывал. А потом мать его в художественный кружок записала. Кружок был на первом этаже, а наша квартира – на втором, только вниз спуститься – и все, хорошо очень, удобно. Так вот, Егор стал здорово рисовать...

Я показал Тоске палец, и она остановила рассказ.

– Егор – это, случайно, не Паровозов? – спросил я.

– Угу, – кивнула Тоска. – Паровозов. Тот самый.

Это было уже интереснее.

Егор Паровозов был известным в нашем городе и за его пределами молодым художником. Он разрабатывал какую-то свою хитрую технику живописи, и его прочили в Пабло Пикассо и Сальвадору Дали², но совершенно неожиданно он исчез. Просто так. Говорили, что он отправился в лес за клюквой и погиб на болоте. Искали, но не нашли. Кажется...

– Давай дальше слушать. – Тоска снова включила диктофон.

Мальчишеский голос продолжил свое повествование:

– Он должен был в июле поступать в Москве в какое-то училище, где на художников учат.

А потом эта история случилась. Знаете, ну эта история...

Мальчишка замолчал. Но я сразу понял, что за история такая.

История с пропавшими туристами.

В апреле в Белом лесу пропала группа туристов. Ну, не совсем пропала и не совсем туристов... Пять человек отправились за подснежниками в Белый лес. Там были весьма необычные подснежники, с золотистой прожилкой, редкие очень. Такие подснежники хорошо раскупались пассажирами проезжающих поездов, только вот ходить в Белый лес никто не решался, поскольку о Белом лесу ходила дурная слава, люди там частенько пропадали, хотя пропадать особо было и негде – мох, высоченные осины – и все. Говорили, что там есть непонятные подземные ямы, куда люди проваливаются, и потом корни осин высасывают из них кровь, да вообще много чего говорили. Я как-то видел Белый лес издалека, мы с классом ездили на базу отдыха, это по пути. Лес выглядел довольно страшно – белые палки, как кости, торчат из земли. Листья действительно красные, хотя и лето. А у нормальных осин листья краснеют только по осени...

Так вот, пять человек отправились в Белый лес за подснежниками. Через три дня их нашли. Они сидели под деревьями. Все мертвые. И никаких признаков насильственной смерти.

Мальчишка продолжил рассказ.

– Так вот, Егору эта история очень понравилась. И он решил нарисовать картину и поехать с ней в это самое художническое училище поступать. А картина должна была быть такая: Белый лес, солнце светит, и под осинами сидят мертвые люди. С первого взгляда кажется, что они живые, но на самом деле ясно, что все они мертвые. Он придумал эту картину и отправился в лес набраться вдохновения, этюды сделать. И исчез. Отец тогда собрал своих друзей-охотников и отправился искать брата. Они прочесали все эти белые осины, но так ничего и не нашли. Вернее, никого не нашли. Только альбом Егора и сапог...

Мальчишка замолчал. Мне показалось, что он всхлипывал.

– Лучше бы он оставил альбом в лесу. Но там еще милиция была, участковый и мужик с собакой. Так вот, когда нашли этот альбом, собака стала кидаться на людей, никого к альбому не подпускала. Но они все равно его взяли, собаку отогнали. Отец хотел на альбом взглянуть, но ему повезло, он не успел – с ним приступ случился, так что его пришлось из леса самого вывозить. А поисковая группа, прежде чем передать в милицию, альбом просмотрела. Только они никому не рассказывали, что там, они слово дали друг другу. Альбом лежал в милиции, его должны были изучать какие-то эксперты, их из самой Москвы выписали. Но они не успели: в здании милиции начался пожар, потом там газовые баллоны рванули – и все. Восемь человек погибли.

А те, что этот альбом в Белом лесу нашли, долго молчали. Потом один проговорился, он рассказал своему брату, что там было нарисовано. И в этот же день они оба расшиблись на

² Пабло Руис Пикассо, Сальвадор Дали – всемирно известные художники.

мотоцикле. А потом и другие тоже померли по-разному. Ну, те, кто альбом этот смотрел. Кто на охоте застрелился, кто на рыбалке утонул, кто в бане угорел. Один остался. Он понял, что происходит что-то ненормальное, взял да и уехал куда-то на Север. А потом нам дали квартиру в городе, и мы переехали из клуба. А клуб тот скоро закрыли и поселок тоже закрыли – завод-то разорился, никто там больше не живет. Это было три года назад. А в прошлом месяце, в июне, я поехал на АРЗ...

– ОРЗ? – переспросил я.

– АРЗ, – поправила Тоска. – Авторемонтный завод. Ну, слушай дальше...

– Да и так, в общем-то, понятно...

– Не, давай дослушаем, – настояла Тоска.

И мы стали дослушивать.

– Я поехал на АРЗ, хотел взять удочки, я там все свои удочки забыл, а они телескопические, дорогие. Клуб был открыт, но растащено ничего не было, я нашел нашу квартиру, нашел удочки. А потом решил в комнату Егора зайти, у него на двери был автопортрет, не знаю зачем... Я зашел в нее и вдруг гляжу, на столе альбом лежит. Тот самый. Я его сразу узнал. Он даже не запылится ничуть, лежал, как новенький. Но подходить к нему я не стал, убежал сразу.

Мальчишка замолчал. Ненадолго.

– Никто не знает, что было в этом альбоме. Говорят, что там наброски к той самой картине, которую он не успел нарисовать. К «Осиновой роще». Но такие страшные, что от них все вокруг разрушается...

Больше на диктофоне ничего не было.

– Это все. – Тоска выключила свой аппарат. – Как история?

– Ничего, – сказал я. – Пойдет. Я, кстати, что-то подобное про картины Паровозова слышал. Он хотел, чтобы изображение сразу на психику воздействовало, минуя мозг. Такие эксперименты давно уже проводились военными.

– Зачем?

– Все очень просто. Страшную картинку печатают в количестве двести миллионов экземпляров и разбрасывают над страной потенциального противника. Противники разглядывают эти картинки, дружно сходят с ума и выбрасываются из окон, и вот уже наши доблестные войска маршируют по покоренным странам. Красота. Потом эти эксперименты запретили.

Я посмотрел в потолок.

– Ты понимаешь, что мы там можем найти?! – Тоска перешла на шепот. – В этом клубе... Ты понимаешь?

– Ничего хорошего мы там не найдем, – сказал я. – Неприятностей себе разве что найдем...

– Почему неприятностей?!!

– Ты веришь в эту историю?

Тоска кивнула. Потом добавила:

– Такие истории случаются...

– Я знаю, что такие истории случаются. Я говорю, что неужели ты веришь: подобный альбом лежит себе спокойненько в заброшенном Доме культуры авторемонтного завода?

Тоска пожала плечами.

– Это, во-первых, – сказал я. – А во-вторых, если этот альбом действительно существует, то лучше держаться от него подальше. Откуда у тебя эта запись?

– Полгода назад в городе была выставка Паровозова. Одна девчонка из редакции, она в Германию сейчас уехала, ходила туда и встретила его брата. Брат рассказал эту историю.

– История поганая, – сказал я. – Поганенькая...

– Но ты же любишь такие!

Я действительно любил такие истории. Такие истории украшали жизнь. Честно говоря, у меня тоже были кое-какие литературные планы. Я ждал по-настоящему страшную историю, чтобы в будущем переписать ее в роман ужасов. Только Тоске я об этом не рассказывал. Стеснялся и опасался конкуренции с ее стороны, она ведь на самом деле интересно писала.

И еще меня немножко смущало то, что эта история пахла опасностью, причем опасностью реальной. Не хотел бы я общаться со всякими художниками, художник всегда имеет дело с чертовщиной.

– Ты же любишь приключения! – Тоска пыталась меня уговорить.

– Приключения я люблю, только вот ничего не выйдет, – сказал я.

– Почему?

– На такие мероприятия вдвоем не ходят. Надо идти как минимум втроем. Для подстраховки. А у нас третьего нет. Так что лучше нам отдохнуть.

– Ты просто отговорки ищешь!

Я накрылся пледом и повернулся к стенке.

Тогда Тоска прибегла к другим аргументам. Тогда Тоска стала давить на мою жадность. Достала из своего портфеля интернетовскую распечатку и сунула мне под нос. Это была страничка с посмертного сайта Паровозова. Там были его разные картинки и упоминание о «Белом альбоме» – ну, о том самом, утерянном. Говорилось, что «Белый альбом» – вершина творчества Паровозова. Говорилось, что утерян он при мистических обстоятельствах. Что многие коллекционеры, западные в том числе, хотели бы приобрести альбом за хорошие деньги. Размер этих «хороших денег» тоже был указан. Хватит, чтобы скромно, но со вкусом провести остаток дней на ортопедическом курорте в Солигаличе³.

Я внимательно изучил распечатку, затем, не оборачиваясь, вернул ее Тоске.

– Предложение заманчивое, – сказал я. – Но сегодня мне лень. Сегодня я отдыхаю. Уикенд, Тоска, ты же знаешь, это для меня святое время...

– Ну ладно, – надулась Тоска. – Если ты не хочешь мне помочь... если ты не хочешь мне помочь – я поеду одна!

Я немножко испугался – характер у Тоски был упертый, и она на самом деле могла отправиться в этот Дом культуры. В одиночку. Но показывать, что испугался, я не мог, нечего девочкам свои страхи демонстрировать. Поэтому я продемонстрировал спиной полную холодность и равнодушие. Но при этом словесно попытался Тоску урезонить.

– Не дури! – сказал я. – С некоторыми вещами лучше не играть...

– Знаешь. – Тоска прищурилась, я даже спиной это почувствовал. – Знаешь, у меня был план! Я хотела организовать такое агентство, по борьбе со всякими странными вещами! Охотники на ведьм, типа «Куропяткин и То», ты и я. Это могло быть наше первое дело! А ты... ты просто свинопис!

Я промолчал. Я редко ругаюсь с девочками. С ними бесполезно ругаться.

– Ну... – Тоска аж покраснела от злости, и это тоже ощущалось даже спиной. – Ну и сиди здесь! Лежи здесь!

Она вскочила, схватила свой крокодиловый портфель и убежала. Я повернулся.

Тоска забыла на столе диктофон. Но возвращаться не стала – это же плохая примета. А те, кто охотится на ведьм, те верят в плохие приметы. К тому же она слишком гордая – это раз, и у нее есть второй диктофон – это два.

Я лежал на диване и думал о том, что произошло. Тоска – упрямая девица. Скорее всего она отправится в тот самый клуб искать тот самый альбом. И наверняка влипнет в какую-нибудь дурную историю. Хорошо, если там на самом деле этот страшный альбом – тогда в этот

³ Небольшой город в Костромской области, известный источниками целебной минеральной воды.

заброшенный клуб никто и не сунется. А если это все сказки? Тогда там точно какие-нибудь бомжи обретаются. Это гораздо хуже любого дурацкого альбома-убийцы.

Я уже собрался звонить Тоске на мобильник и уговаривать ее вернуться, как вдруг мне в голову пришла одна интересная мысль.

2

Может быть, кошка?

Через полчаса я уже трясся в старом, раздолбанном такси по еще более раздолбанной дороге, представляющей собой уложенные в две колеи бетонные плиты. Раньше из таких плит частенько дороги строили. Все плиты были в прорехах. Из некоторых даже торчала арматура, так что такси двигалось крайне медленно, километров сорок, не больше.

Вернее, это было даже не такси, это был дед на старом салатом «Москвиче», я еле уговорил его довезти меня до АРЗ за сто рублей. Дед еще долго не соглашался. Сидел на капоте своей развалюхи, делал внучонку свистульки из акаций и слушал, как я повышаю цену. Я догнал уже до шестидесяти рублей, а дед все ломался, упертый попался. Тогда я сходил к ларьку и купил его внуку шоколадку. После чего дед согласился на стольник.

Всю дорогу я с помощью мобильника и наладонного компьютера (завел-таки себе после случая с Мусормэном) продолжал изучение случая с художником Паровозовым. И этот случай мне нравился все меньше и меньше. Выяснилось, что по крайней мере пять человек пытались разыскать Белый альбом и все пятеро каким-то чудным образом пропали. Ну и еще много чего интересного выяснилось. Интернет – настоящее кладбище слухов и сплетен, особенно про всякую гадость там полно.

Когда справа от дороги показался покосившийся столб с табличкой «Автотремонтный завод», связь пропала. С нею всегда так. Я по дурацкой привычке поднял трубку под крышу машины, поводит туда-сюда, но все бесполезно – связь ушла прочно. Впрочем, в таких ситуациях так и должно происходить. Никакой связи, связь кирдык.

– Вот из-за этого мы так плохо живем! – неожиданно очнулся дед и ткнул своим заскорузылым пальцем в мою трубку.

– Почему это? – спросил я и спрятал трубку и компьютер в специальный карманчик. Мало ли какие психи обитают на окраинах города?

– Потому что аппараты эти ваши – радиоактивные!

Старая песня. Одна девочка купила сотовый телефон, и через месяц у нее начали выпадать волосы. На ладонях.

– Радиоактивные, – повторил дед. – А радиация мозг разрушает. А вы эти аппараты все время к мозгу прижимаете. И ребятишки совсем, и взрослые. От этого у нас люди думать разучились, вот и нарушилось все в нашей стране. Ты, парень, со своей трубкой поосторожней будь, а то мозги начнут через уши выплескиваться.

Дед с удовольствием раскурил самосад, умудряясь рулить коленями. Самосад был хорош, мозги у меня действительно стали выплескиваться через уши и другие места. Потом спросил:

– Куда едешь-то?

– Так... – Я ткнул пальцем в стекло. – Туда. В поселок.

– В поселок? – Дед яростно бибикнул. – Нету никакого поселка! И завода нету! А какой завод был! Даже вертолет однажды отремонтировали! А клуб! Все развалили... Тебе что там надо?

– Я опрос произвожу, – соврал я, – по поводу переселения народов. Меня фонд один послал...

Дед даванул по тормозам, я стукнулся лбом о потрескавшееся стекло, довольно больно стукнулся.

– Заяц, – пояснил дед. – Тут их много развелось в последнее время. Скачут везде... Знаешь, к чему много зайцев?

– К войне? – предположил я, обычно всякая тварь разводится к войне.

– К волкам. Зайцы, они к волкам скоро разводятся. А волки в свою очередь...

Мы влетели в ухаб, и дед не договорил, к чему разводится много волков.

– Меня к клубу подвезите, – сказал я, поскольку «Москвич» вылетел на Водонапорную – судя по всему, главную улицу поселка. – Сфотографировать велели. Для оценки ущерба.

– Не могу к клубу. – Дед окончательно остановился. – Там дорога разбита. Заяц через дорогу – плохая примета, хуже не бывает...

Пришлось дать ему еще двадцатку.

Клуб действительно был хорош. Настоящий греческий храм. Колонны, крыша треугольная. Остальные домики рядом с ним выглядели вполне лачужно. Но все крыши и стекла на них были целы. Я спросил, почему их никто до сих пор не разобрал, на что дед ответил:

– Дураков нету. Тут ничего брать нельзя.

– Почему это? – спросил я.

– Место проклято, – вывалил дед. – Место тут проклято.

Место тут проклято – ну, как всегда, все по плану.

– Кого-то убили тут, что ли? – спросил я.

– Лучше бы убили. А тут хуже... Если кто берет отсюда какую-то вещь, всякое плохое начинается происходить. Скотина мрет, ну, и так далее... А ты чем фотографировать собираешься, фотоаппарата у тебя не вижу?

Бдительный дедушка оказался. Наверное, раньше в СМЕРШе⁴ служил. Но я тоже лопушником давно не был, с детского сада, – предъявил ему телефон с фотиком.

– Нельзя тут фотографировать, – продолжал гнуть дед. – В некоторых местах нельзя фотографировать, это к плохому... Ну, да твое дело.

– Угу, – я расплатился с извозчиком. – Мое дело.

– Ты говоришь, опрос приехал делать? – Дед прищурился. – А кого опрашивать-то собираешься? Собак? Тут ведь не живет никто.

Я растерялся и подумал о том, что надо, пожалуй, поработать над своим искусством вранья. Утратил форму, а таких досадных сбоев в будущем должно избегать.

– Ну, ладно, опрашивай, – усмехнулся дед.

Он пожелал мне всяческих успехов и укатил. Я остался один в заброшенном рабочем поселке.

Клуб. За клубом парк, из-за елей торчит погнутая какой-то грандиозной силой карусель. Тихо. Лягушки, кажется, квакают, видимо, на пруду или болоте, что еще там.

Я огляделся, плюнул через левое плечо и направился к клубу.

Дверь была открыта. Внутри темно. Но темнота проблемой не была – у меня в рюкзаке лежали электрический фонарь и фонарь керосиновый. Я шагнул в темноту.

Ничего страшного внутри не было. И темноты особой тоже не было, фонарь можно и не доставать. Обширное фойе. Люстра большущая, даже подвески кое-где сохранились. Шторы бархатные. Пыль на паркете. Вдоль стен – картины. Порядок, будто все собрались и ушли отсюда только вчера.

Я устроился возле окна, чуть отогнул пыльную бархатную штору, спрятался и стал ждать Тоску.

Тоска, приди ко мне, приди, томлюсь в томлении одиноком. Ха-ха.

Тоска была моя подружка, вернее, друг. Единственный мой друг. Вообще я всегда верил, что мальчики с девочками дружить не могут, но случилось так, что моим единственным другом стала именно девчонка.

На самом деле Тоску звали совсем не так. Тоску звали Антонина. Тяжелое имя, и она его не любила. Предпочитала, чтобы ее называли Тоска.

⁴ СМЕРШ – от «смерть шпионам» – военная контрразведка времен Второй мировой войны.

Сначала я думал, что эта кличка возникла из-за того, что Тоска хотела стать оперной певицей и вечно слушала ужасно тоскливую оперную музыку. И одевалась тоже угрюмо – во все черное и синюшное.

Потом, когда я сам пристрастился к классике, я стал думать, что Тоска, она на самом деле с ударением на «о», а не на «а». Как опера Дж. Пуччини⁵. Но с ударением на «о» ее никто не называл. А Тоска не настаивала. Как-то раз я так, для прикола, решил ее поддразнить и стал называть с ударением на первый слог, но Тоска рассвирепела и чуть не прибила меня своим портфелем.

Вообще ссорились мы довольно часто. Но обычно так, по мелочам. Поэтому я и насторожился, когда Тоска сегодня психанула. А в распахнутом состоянии человек всякое может натворить. Надо было ее подстраховать.

Вот я и страховал. По моим расчетам, Тоска должна была вот-вот сюда прибыть. Скорее всего она тоже взяла такси, все люди думают одинаково.

Но Тоска не взяла такси, Тоска оказалась девчонкой оригинальной, как всегда. Со стороны города слышался мерзкий трескучий звук, и по уровню мерзости этого звука я опознал в нем худшее из транспортных средств – велик с моторчиком. Хуже велика с моторчиком может быть только велик с моторчиком от бензопилы. На таких бензопильных великах ездили ушедшие на покой маньяки и учителя из коррекционных школ. Однажды я сел на такой дырчик и едва не свернул себе шею, поскольку оказалось, что тормоза на подобной конструкции не предусмотрены и тормозить надо собственными подошвами. Что, согласитесь, неудобно.

Такой велик у меня никак не вязался с Тоской.

Заслышав треск, я хотел было подняться на второй этаж, но не успел. Водитель велика прибавил газу, бензопила с колесами взревела еще громче. Я спрятался за штору поглубже и стал ждать. Примерно через пару минут со стороны Водонапорной показался оранжевый драндулет. Драндулет дребезжал, ковылялся и вообще перемещался с большим трудом, на последнем издыхании.

За рулем сидел незнакомый мне чувак во взрослом мотоциклетном шлеме. Чувак был обряжен весьма легкомысленно – в длинные пляжные шорты, оранжевую футболку и ослепительно белоснежные кроссовки. Жлобсковато одет.

На багажнике в позе переносного холодильника сидела Тоска. На ней шлема не было, зато была вязаная черная шапочка, которая удивительно Тоске шла. И вообще Тоска была обряжена во все черное, что напомнило мне о лучших временах. Выглядела она здорово, как настоящая девушка-спецназовец.

Драндулет остановился прямо напротив дверей. Водитель снял шлем. Под шлемом у него была точно такая же шапочка, как и у Тоски. Я его не знал. Видимо, какой-то тосковский знакомый. Ну ладно, посмотрим...

– Хороша развалюха! – сказал этот тип и указал на клуб. – Выглядит зловеще. В таких местах водятся призраки.

– Точно, Паш, – кивнула Тоска. – Развалюха что надо...

Он был еще и Пашей. На моем пути все время встречались одни Паши, и это было удручающе. Вообще, встретить Пашу на пути – дурное предзнаменование. Лучше пусть через дорогу перебегут восемь зайцев, три черные кошки и один хромоу енот, чем дорогу эту перейдет Паша. Во всяком случае, для меня.

– Хотя, с другой стороны... – Этот самый Паша достал из рюкзака фотоаппарат со здоровенным объективом, дорогой фотик. – Это даже интересно... Серия снимков «Город Мертвых»!

⁵ Джакомо Пуччини – итальянский композитор XIX – нач. XX в.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.